

В статье рассматривается формирование института уполномоченных при Совете по делам Русской православной церкви по материалам Ярославской области. Показаны основные направления работы уполномоченных как посредников между государством и церковью. Выявлены особенности полилога между уполномоченными, представителями Русской православной церкви и паствы в Ярославской области.

Ключевые слова: уполномоченный Совета по делам РПЦ; ходатайства об открытии церквей; религиозные объединения; репрессированные священники; верующие.

The article considers the formation of the institution of the commissioners of the Council for the affairs of the Russian Orthodox Church in the Yaroslavl region. The author shows the main directions of work of the commissioners as intermediaries between the state and the church. The peculiarities of the polylogue between the commissioners, the representatives of the Russian Orthodox Church and the congregation of the Yaroslavl region are revealed.

Keywords: the commissioners of the Council for the affairs of the Russian Orthodox Church; petitions for the opening of churches; religious associations; repressed priests; believers.

Д. А. Буюкли

*Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
E-mail: darya.buyukli@mail.ru*

**Становление института уполномоченных
при Совете по делам Русской православной церкви
(по материалам Ярославской области)**

Научная статья

D. A. Buiukli

P. G. Demidov Yaroslavl State University

**The Formation of the Institution of the Commissioners
of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church
in Yaroslavl Region**

Scientific Article

1943 год — знаковый в государственно-церковной политике СССР. Эволюцию политики партии в отношении Русской православной церкви (далее — РПЦ) определил ряд факторов: необходимость открытия второго фронта, активная патриотическая деятельность религиозных организаций в тылу, осознание руководством страны возможности использования потенциала РПЦ для усиления авторитета СССР на международной арене. Как отмечает исследователь М. И. Одинцов, внешние причины: «стремление сузить возможности немецкой пропаганды по использованию религиозных проблем, желание снять в общественных кругах стран-союзниц предубеждение в отношении церковного курса советского правительства и, наконец, намерение сплотить все антифашист-

ские силы, включая и религиозные организации, — предопределили шаги Сталина по дальнейшей нормализации государственно-церковных отношений» [1, с. 272].

Как следует из доклада в ЦК ВКП(б) Совета по делам русской православной церкви об итогах работы за 1946 г., начало сотрудничества государства и РПЦ в 1943 г. было тесно связано с внешней политикой СССР. В докладе отмечается, что «проведенная значительная подготовительная работа за границей позволяет использовать Московскую Патриархию для осуществления в 1947–1948 гг. ряда новых мероприятий, имеющих принципиальное и политическое значение» [2, с. 902–905].

Офицеру НКВД Георгию Григорьевичу Карпову было поручено подготовить совещание церковных

иерархов с И. В. Сталиным 4 сентября 1943 г. Выбор был определен его биографией. Как отмечает М. И. Одинцов, «начиная с 20-х гг. Карпов работал в тех структурных подразделениях ВЧК-ОГПУ-НКВД, которые имели непосредственное отношение к деятельности религиозных организаций на территории северо-запада России» [1, с. 273].

По итогу встречи были приняты решения, которые определили характер церковно-государственных отношений на годы вперед. Как следует из записки Г. Г. Карпова о приеме И. В. Сталиным деятелей Русской Православной Церкви, «тов. Сталин сказал, что Совет будет представлять собою место связи между Правительством и церковью и председатель его должен [докладывать] Правительству о жизни церкви и возникающих у нее вопросах» [3, с. 290]. По настоятельной просьбе Сталина Собор для выбора Патриарха необходимо было собрать в течение нескольких дней – до приезда представителей Англиканской церкви. Епископам даже были предоставлены самолеты для скорейшего прибытия в Москву.

В Положении о Совете от 7 октября 1943 года говорилось, что этот орган осуществляет связь «между Правительством СССР и Патриархом Московским и всея Руси по вопросам Русской православной церкви, требующим рассмотрения Правительства СССР» [4]. Кроме того, основная задача состояла в принятии решений об открытии церквей. Постановление Совнаркома СССР «О порядке открытия церквей» от 28 ноября 1943 г. определяло данный процесс: ходатайство верующих после одобрения местным органом власти пересылалось в Совет, который утверждал его и передавал в Совнарком на одобрение. Еще одной важной функцией было подготавливать сообщения от имени ТАСС для публикации в газете «Известия» или для радиозэфира.

Изначально данный орган включал в себя 5 человек [5, с. 16], но штат постепенно увеличился. Расширение состава сотрудников, согласно распоряжению Совнаркома № 19036 от 5 октября 1944 г. [6], шло по пути увеличения должностей, вовлеченных в документооборот. Первым председателем стал офицер НКВД Георгий Григорьевич Карпов. Ему в течение 10 лет приходилось совмещать работу в НКВД и руководство Советом. Выбор председателя оказался весьма удачным — это был достаточно мудрый человек, понимающий всю силу и хрупкость своего положения. Судя по письмам патриарха Алексия в Совет по

делам РПЦ, между ним и Георгием Григорьевичем сложились достаточно теплые и доверительные отношения. Патриарх часто советовался с Карповым, справлялся о его здоровье. Одним из способов поддерживать конструктивные отношения был обмен подарками. На 77 день рождения патриарх Сергей получил золотые часы с цепочкой, ткань для пошива трёх ряс, 6 пар нательного белья и дефицитные в годы войны деликатесы [7, с. 269]. Презенты также получали и члены Священного Синода на Пасху, Новый год и другие памятные даты. Подарки всегда сопровождалась поздравительными словами или в редких случаях телеграммами и тепло принимались иерархами церкви.

По Положению о Совете по делам Русской Православной Церкви Совет имеет при Совнаркомах союзных и автономных республик, обл(край) исполкомах своих уполномоченных. По мнению исследователя деятельности Совета по делам РПЦ Т. А. Чумаченко, «руководство Совета не имело формальных рычагов влияния на назначение уполномоченного – кадровый состав формировался областными комитетами партии, работа уполномоченных и полагающиеся им социальные выплаты также должны были производиться из местного бюджета» [8]. Очень трудным для председателя Совета и его уполномоченных на местах был вопрос о передаче РПЦ мощей святых, многие из которых находились в краеведческих музеях и музеях религий. Решения принимались в зависимости от того, были ли ходатайства верующих о возвращении этих реликвий церкви или нет и как много посетителей музеев могли видеть такие выставочные экспонаты. Совет по делам РПЦ обрабатывал в том числе ходатайства об амнистии репрессированных священников.

За первые же месяцы пришлось изменить порядок регистрации религиозных обществ и групп верующих [7, с. 245–248]. Решение об открытии церкви должны были принимать совнаркомы области или края, ставя в известность уполномоченного при Совете по делам православной церкви на местах и верующих, подписавших заявление. В своем решении СНК должны были руководствоваться следующим: сколько человек ходатайствует об открытии церкви, когда и на каком основании была закрыта церковь, в каком состоянии она находится сейчас, каково расстояние до ближайшей церкви. Если ходатайство решено было удовлетворить, то свое предварительное решение Совнарком отправлял в Совет, а тот — в Правительство.

Уполномоченный Совета на местах выполнял работу по учету и предварительной обработке заявлений. Если в данной области или крае имелась действующая епархия, уполномоченному необходимо было узнать мнение епископа на этот счет. Если мнение епископа было не удовлетворить ходатайство, то эту новость сообщать верующим должен был именно он.

Уполномоченные были не во всех краях и областях. В 1946 г. их было 112 человек. На эту должность часто попадали случайные люди. Г. Карпов в 1946 г. писал, что 20 уполномоченных «либо инвалиды, либо тяжелобольные (туберкулез, язва желудка, припадки и т. д.)» [9, с. 37]. Обычно в подчинении у уполномоченного находились машинистка и секретарь.

22 июня 1944 г. решением исполкома Ярославского областного Совета депутатов трудящихся за № 959 утверждена должность уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР по Ярославской области, подчиняющегося в своей деятельности Совету по делам Русской православной церкви при Совнаркоме СССР [10]. Только к концу 1944 г. ему и его аппарату были выделены две комнаты и два письменных стола для ведения дел [11, л. 7]. За 2 года существования Совета сменились 4 уполномоченных. Первый из них, Николай Иванович Борисов, проработал меньше полугода. В июле 1947 г. эту должность занял Николай Геннадьевич Цыганов.

В своей деятельности уполномоченный Совета по делам РПЦ в Ярославской области решал такие же задачи, как и его коллеги по всей стране. Но уже в первые годы существования этой должности в области возникло несколько нетипичных ситуаций. К ним можно отнести, например, вопрос о передаче РПЦ мощей Святителя Иркутского Иннокентия, поставивший в замешательство руководителей Совета по делам РПЦ. Верующие города Иркутска обратились к патриарху Алексию с просьбой вернуть мощи Святителя Иркутского Иннокентия из ярославского музея-заповедника обратно в Иркутск. Патриарх, поддержав ходатайство верующих, обратился с соответствующей просьбой в Совет. Г. Г. Карповым вместе с уполномоченным по Ярославской области Н. Г. Цыгановым было принято решение посетителей к мощам не допускать, заключения по передаче мощей не принимать. Позднее председателем Совета в докладной записке Совету министров СССР было внесено предложение составить списки мощей,

о возвращении которых возбуждались ходатайства и в отношении которых ходатайств не поступало. Реликвии из второго списка предлагалось собрать в Музее религии в Москве и уничтожить, а мощи из первого списка по решению Совета министров передать РПЦ, так как «эти «мощи» могли видеть духовенство и верующие, они знают местонахождение и состояние их» [5, с. 284].

Уполномоченный также составлял ходатайства об амнистии репрессированных священников. Подобный документ из Ярославской области был направлен Г. Г. Карпову. В нем содержалась просьба решить скорейшим образом судьбу 26 священнослужителей, в числе которых был Борисовский митрополит Павел Ярославский [7, с. 79]. К сожалению, к моменту написания ходатайства в 1943 г. он был уже расстрелян [12, с. 77].

Священники-обновленцы апеллировали через Совет и патриарха о возвращении в РПЦ, и ярославский обновленческий епископ Корнелий Попов был не только принят в ряды епископов РПЦ, но и назначен управляющим новоучрежденной Сумской епархии (город Сумы) [7, с. 266].

Из доклада Карпова начальнику управления пропаганды видно: Ярославская область отличалась тем, что процедура рассмотрения ходатайств об открытии церквей в области нарочно затягивалась и даже имели место факты обмана верующих. Так, «по ходатайству верующих об открытии церкви в с. Павлово Борисоглебского района Ярославской области райисполком предложил им уплатить недоимки по налогам с 1939 по 1943 гг. в сумме 27 тысяч рублей, что верующими и было выполнено. При повторном обращении верующих за разрешением производить церковные службы райисполком предъявил требование о производстве ремонта. Верующие, собрав 18 тысяч рублей, предложение райисполкома выполнили. Отремонтированное здание занято райисполкомом под склад зерна, а верующим предложено пользоваться церковью, находящейся в 12 километрах от с. Павлово» [7, с. 481]. Неудивительно, что многие церкви работали без разрешения и ведома уполномоченного по делам РПЦ. По неполным данным в Ярославской епархии «в феврале 1944 года самостоятельно действовало более 90 церквей» [13, с. 207].

Из Ярославской области за первые месяцы работы Совета поступило достаточно большое количество заявлений (28) об открытии церквей [7, с. 245]. Карпов в докладной записке Молотову отметил нашу область в числе первых семи самых

активных по этому показателю. К середине 1945 г. Ярославская область всё ещё сохраняла за собой шестую строчку «рейтинга» по стране – 150 заявлений с момента начала работы Совета [7, с. 479]. Большинство исследователей данной проблемы призывают не связывать напрямую количество ходатайств с возросшей активностью религиозной жизни в регионе. Во многом этот процесс можно объяснить тем, что церковные постройки несильно пострадали в годы войны, сохранился их внешний облик, элементы внутреннего убранства. Тем не менее такое большое количество обращений внесло свою лепту в дальнейшее восстановление религиозной жизни. Ю. В. Гераськин и А. Ю. Михайловский в статье «К вопросу о массовом характере ходатайств верующих об открытии храмов в 1940–50-е гг.» предлагают оценивать по достоинству потенциал прошений в качестве сдерживающего фактора на пути к закрытию храмов в более поздний период [14, с. 125].

Обобщив материалы фонда уполномоченного по делам РПЦ по Ярославской области Государственного архива Ярославской области (далее — ГАЯО), можно выделить несколько районов, откуда поступило наибольшее количество ходатайств об открытии церквей. Это Мышкинский, Даниловский и Ярославский районы [10]. Положительные решения об открытии церквей принимались редко: в первые годы работы совета не открыли ни одной церкви. Наиболее распространенные причины отказа: 1) наличие другой церкви неподалеку (иногда на расстоянии 8-9 километров), 2) использование здания церкви под другие нужды (склад зерна, кинотеатр, машинно-тракторные станции (далее – МТС) и т. д.), 3) нарушение общиной договора по ремонту церкви или проведение несанкционированных сборов. Кроме того, важным фактором было количество людей, подписавших под заявлениями. По материалам ГАЯО половина ходатайств об открытии церквей не была поддержана большинством верующих данного населенного пункта. Загадкой остается система подсчета верующих советским правительством. Однажды церковные активисты из села Прилуки (Угличский район), не набрав нужного количества подписей, пошли на обман и включили в списки «мертвые души», а некоторых верующих вписали дважды [11, л. 18]. Обман раскрыли. Безусловно, такие поступки не способствовали установлению доверительных отношений между церковным активом и уполномоченным по Ярославской области.

Расположение действующих церквей в области было очень неравномерным. По данным, переданным управляющим по делам РПЦ по Ярославской области Г. Г. Карпову, в трёх районах области не было действующих церквей, тогда как в Некрасовском районе их было 16 [7, с. 477]. Хотя, конечно, нельзя не учитывать тот факт, что Некрасовский район Ярославской области — один из самых крупных районов. Он располагается на обоих берегах реки Волги, и моста, соединяющего два берега, в этом месте нет. Этим можно частично объяснить количество действующих церквей в этом районе.

В юрисдикцию уполномоченного также входила обработка документации на закрытие церквей. В годы войны к этому процессу подходили с большой осторожностью — церкви закрывались только при наличии веской на то причины. Так, в период с 1941 по 1945 г. в области было закрыто не более 10 церквей [10, 11], причем каждый раз решение принималось с участием представителей краеведческого музея. Только одну из них определили под снос — церковь в селе Рябина пришла в негодность и угрожала обвалом [15, л. 5]. Начиная с 1948 г. вопрос о переоборудовании и сносе церквей поднимается в разы чаще. Основными причинами закрытия церквей были отсутствие ходатайств об открытии, необходимость использовать помещение под производственные нужды и наличие неподалеку другой действующей церкви.

После войны количество рассматриваемых ходатайств резко сократилось. Число прошений к 1948 г. уменьшилось почти в четыре раза, а к 1952 г. — ещё вдвое (по материалам ГАЯО). Историк М. И. Одинцов связывает эти факты со следующими событиями в политической жизни страны: «Критика деятельности Совета на Секретариате ЦК, игнорирование «Директив», отсутствие четкой ориентировки от правительства привели к тому, что среди сотрудников аппарата Совета в неофициальных разговорах стала муссироваться тема о «новой линии» в отношении к религиозным организациям, о том, что «работа Совета не нужна, она идет вразрез с линией нашей партии» [1, с. 362].

Таким образом, проанализировав деятельность уполномоченного при Совете по делам РПЦ в Ярославской области в первые годы существования, можно заметить некоторые типичные черты в работе этого института. Уполномоченный следил за выполнением распоряжений правительства, готовил отчет о религиозной жизни в регионе, занимался учетом церковных зданий. Необходимо было

также рассматривать заявления об открытии церквей, докладывать о деятельности религиозных объединений и священнослужителей, устанавливая связи с епархией. Отметим некоторые ключевые особенности, отличавшие Ярославскую область от других: поверхностное взаимодействие с епархией, особая активность верующих (о чем, в частности, говорит количество заявлений об открытии церквей), более жесткое администрирование в отношении религиозных активистов и наличие нескольких нетипичных для страны в целом конфликтных ситуаций. Подводя итог, стоит заметить, что, несмотря на сложности во взаимопонимании верующих и уполномоченных, уполномоченных и Совета, Совета и Правительства, начало конструктивного диалога между РПЦ и руководством страны дало новый толчок религиозной жизни паствы.

Ссылки

1. Одинцов М. И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма, 1917–1953 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 424 с.
2. Данилушкин М. Б. История Русской Православной Церкви. Новый патриарший период. Т. 1: 1917–1970. СПб.: Воскресение, 1997. 1020 с.
3. Одинцов М. И. Русские патриархи XX века. М.: РАГС, 1994. 334 с.
4. ГАРФ. Ф. Р. 6991. Оп. 2. Д. 29. Л. 4. Машинописная копия.
5. Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР. Т. 1: 1945–1953 гг. / под ред. Н. А. Кривовой. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 847 с.
6. Распоряжение № 19036 от 5 октября 1944 года. URL: http://www.bogoslov.ru/text/1415465.html#_edn5
7. Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: сборник документов / сост.: О. Ю. Васильева, И. И. Кудрявцев, Л. А. Лыкова. М.: Изд-во Крутицкого патриаршего подворья, 2009. 765 с.
8. Чумаченко Т. А. Совет по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР и его уполномоченные в первой половине 1960-х годов: структура, формы и методы работы // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 30. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/soviet-po-delam-russkoy-pravoslavnoy-tserkvi-pri-sm-sssr-i-ego-upolnomochennye-v-pervoy-polovine-1960-h-godov-struktura-formy-i-metody-raboty>
9. Горбатов А. В. К вопросу о статусе уполномоченных по делам религии в Сибири (1943–1969 гг.) // Государство и церковь в XX веке: эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. Опыт России и Европы. М.: ЛИБРОКОМ, 2011. С. 35–47
10. ГАЯО. Ф. Р – 1033. Оп. 1. Д. 1. Историческая справка.
11. ГАЯО. Ф. Р – 1033. Оп. 1. Д. 2. Л. 7, 18.
12. Не предать забвению: Книга памяти жертв политических репрессий, связанных судьбами с Ярославской областью. / В. П. Голиков [и др.] Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд.-во, 1994. Т. 2. 480 с.
13. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущёве. М.: Крутицкое подворье, 2005. 424 с.
14. Свобода совести в России: исторический и современный аспекты // Сборник докладов и материалов международных, общероссийских и межрегиональных научно-практических семинаров и конференций, 2004–2005. М.: Российское общество исследователей религии, 2005. Вып. 2. С. 564.
15. ГАЯО. Ф. Р – 1033. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.